

НАУЧНЫЕ ОБСУЖДЕНИЯ

О ПРОБЛЕМАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

© 2008 г. Н. А. Тарасова

(Москва)

При анализе причин неудач в осуществлении социально-экономических реформ нами выделялись ранее (см. (Тарасова, Хачатрян и др., 2007)) два обстоятельства: во-первых, невнимание властей разного уровня к фундаменту любой реформы – выявлению достоверности и полноты исходной информации, необходимой для осуществления реформы; во-вторых, недооценка властными структурами предварительного комплексного анализа всех аспектов и последствий реформы, ее места в системе сложившихся социально-экономических отношений в обществе и т.п. проблем, требующих серьезного научного подхода. Средством устранения этих причин называлось изменение недальновидного отношения к научным исследованиям со стороны властей, чье нежелание “спросить или выслушать разумного совета” приводит к недостаточно продуманной и потому неэффективной тактике осуществления реформ.

Более тщательный анализ указанных двух обстоятельств и предложенного рецепта показывает недостаточность последнего. Так, наш опыт обработки данных двух десятков законченных и продолжавшихся научных исследований (часто на основе опросов населения – например, многоаспектное обследование “Таганрог-2”) с использованием разработанной методики поэтапного контроля данных выявил: до трети исследований либо требуют длительной (до года) работы, связанной с устранением обуславливающих недостоверность ошибок (обследование населения Караганды, расчеты по разделу “Доходы” в “Таганроге-2” и т.д.), либо в принципе нельзя осуществить их корректно, так как используются неисправимо недостоверные данные (что произошло с расчетами баланса трудовых ресурсов страны, обследованием в Норильске и др.). Таким образом, нередко сами научные работники фактически недооценивают важность контроля достоверности, пусть весьма трудоемкого; более того, они порою даже готовы (а возможно, и предпочитают) обойтись без такой оценки ради ускорения и удешевления работ¹. Сетования многих ученых на недостоверность данных государственной статистики (как на недавнем симпозиуме “Стратегическое планирование и развитие предприятий”, апрель 2007) не всегда правомочны, поскольку не учитывается разноаспектность подходов к получению этих данных разными управлениями Росстата (соответственно – различия в методах оценки, источниках, объемах и даже в семантике показателей), предоставляющими материалы для разных изданий и разных разделов статистического ежегодника. К сожалению, такие различия не всегда явно и полно отражаются даже в методических изданиях Росстата (правда, их терпеливо разъясняют его сотрудники при обращении), зато учет этого позволяет – во всяком случае, при комплексности социально-экономических исследований (как в упоминаемой далее системе НДП) – существенно повысить достоверность и объем статистической базы исследования.

В приведенном выше втором обстоятельстве отметим одну из его основных причин (возможно, вообще главную). Ошибки при проведении реформ были часто обусловлены, по нашему мнению, невниманием к развитой “трудовой доминанте” в психологии общества, в общественном сознании при достаточно высокой инерционности последнего, невниманием к проблемам занятости и труда с его низкой оплатой, ведущей к недопустимо высокой дифференциации доходов населения. Если в начале 1990-х годов подобное невнимание было полным, в том числе со стороны науки (так, в то время ни на одной из множества международных конференций по экономике переходного периода эти вопросы даже не упоминались (Тарасова, 1996)), то и впоследствии мало что изменилось (судя хотя бы по срезанию Минфином средств на принятую Минтрудом программу обследования видов занятости (Тарасова, 2004), по сокращению в Минтруде управления, занимавшегося политикой на рынке труда, а затем – и Минтруда как самостоятель-

¹ Полезно вспомнить слова академика Н.П. Федоренко: “Научная ценность любых рассуждений и выводов... полностью зависит от достоверности использованных при конкретных исследованиях статистических данных” (Федоренко, 2002, с. 26).

ной единицы). Следствием этого явилось тактически неверное для российских условий (если не сказать — пагубное) осуществление стратегически верного курса реформ. Для поиска путей решения подобных проблем необходим детальный учет социально-экономического аспекта выделения и анализа (на разных уровнях — от макро- до микроэкономического) объектов и явлений экономики, причем комплексность подобного анализа, учитывающая взаимосвязи показателей, позволяет обеспечить достоверность исходной информации.

В таком аспекте логично рассматривать в качестве объектов непересекающиеся *социальные и социально-экономические группы* постоянного населения, роли которых определяются основными источниками их доходов (в то время как в сугубо экономическом аспекте объектами являются отрасли и их комплексы, регионы и т.п.). На макроуровне группы объединяются в три пересекающихся функционально различных социальных (короче — *функциональных*) слоя. Это слой “трансфертников” (S), т.е. получателей “пассивных” доходов V_S в виде пенсий и прочих социальных трансфертов в денежном выражении, и два слоя занятых A с “активными” доходами V_A : наемных работников, или трудящихся (T), с трудовыми доходами V_T , и остальных занятых, условно — предпринимателей (Π), с предпринимательскими доходами V_{Π} . На микроуровне в социально-экономическом аспекте рассматриваются уже домохозяйства и их типы (в экономическом аспекте — предприятия, организации и т.д.). Занятое население может относиться либо к официально зарегистрированной занятости (A_0), либо к теневой, незарегистрированной занятости (A_t) без какого-либо официального статуса. A_0 образуют социальные группы с официальным статусом, совмещающим иногда несколько социальных ролей (занятых пенсионеров или стипендиатов, трудящихся либо предпринимателей, и пр.). A_t составляют две “теневые” группы (без совмещения ролей) — трудящихся T_t и предпринимателей Π_t (Тарасова, 2006а).

Ранее, в начале 1990-х годов, нами принималось допущение (обоснованное, как показала практика, реалиями лишь начальной стадии переходного этапа) незначительности объема чисто теневой занятости без какого-либо официального статуса (Тарасова, 1994). Следствием явилось рассмотрение всей занятости как легальной, т.е. $A = A_0$. Подобное допущение базировалось на исчезновении после 1991 г. различных политико-административных ограничений советского периода на многообразие путей развития экономики, что сняло соответственно запреты на те или иные виды экономической деятельности, способствуя этим их легализации. Но позднее возникли и умножились иные достаточно существенные ограничения, связанные уже не с идейно-политическими аспектами, а с несовершенством законодательства (и еще более — его осуществлением) и погоней за прибылью любыми (в том числе и нелегальными) путями. При слабости государственного противодействия последним они оказались не столь уж малочисленными, что привело к развитию и соответственно к необходимости выделения и исследования не имеющей никакого официального статуса теневой занятости A_t , так что $A = (A_0 \cup A_t) \& (A_t = T_t \cup \Pi_t)$. Поскольку под теневой занятостью понимается первичная занятость “нелегалов” (не юридически, но фактически трудящихся или предпринимателей), они не могут быть совмещателями из слоя зарегистрированных “трансфертников”.

Дальнейшая детализация происходит при распределении социальных групп по экономическим (доходным, обычно децильным) группам, что позволяет оценить дифференциацию населения. Наконец, на микроуровне домохозяйства характеризуются социально-демографическими типами семей (по размеру и социальным ролям членов), их распределением по децилям, общими и среднедушевыми семейными доходами. Необходимым условием типологизации исходных сложных семей (желающих при возможности разделиться на несколько семей, уже простых) является предварительное преобразование их в простые, без дальнейшего дробления.

На макроуровне каждый слой, как и группа на мезоуровне, характеризуется численностью и доходами общими и функциональными (для трех слоев — V_T , V_{Π} и V_S), включая среднедушевые. Активные доходы (V_A), т.е. доходы занятых A , по своей структуре представляют собой сумму официальных доходов $V_0(A_0)$ фиксируемой занятости A_0 и скрываемых доходов всех занятых $V_C = V_C(A) = V_{TC} + V_{\Pi C}$. При этом доходы V_t теневых занятых, трудовые (V_{Tt}) или предпринимательские ($V_{\Pi t}$), входят в неофициальные, скрываемые доходы $V_C(A)$. Последние включают, помимо теневых, и другой вид доходов — скрытые доходы $V_{CC}(A_0)$, трудовые (V_{TCC}) или предпринимательские $V_{\Pi CC}$, нелегально (без влияния на налоги и пенсии) получаемые официально зарегистрированными занятыми $A_0 = T_0 \cup \Pi_0$ помимо их облагаемого налогами легального активного дохода $V_0(A_0)$. Так что

$$V_C = V_C(A) = V_{CC}(A_0) + V_t = (V_{TCC}(T_0) + V_{Tt}) + (V_{\Pi CC}(\Pi_0) + V_{\Pi t}) = V_{TC} + V_{\Pi C}$$

(см. (Тарасова, 2006а, 2006в)).

При прогнозировании показателей макропрогноз, обеспечивающий необходимое отражение приоритетов социальной политики и макроэкономическую сбалансированность, в определенной степени учитывается и при более детализированном прогнозировании, которое отражает возможную ситуацию для численностей групп и их доходов и может сразу согласовываться с макропрогнозом (согласованный прогноз), детализируя его показатели “сверху вниз” — от функциональных слоев до групп. Но детализированный прогноз может быть и иным — автономным (часто называемым структурным). Он способствует выявлению, конкретизации и оценке последствий социальной политики, исходя из вероятных средних размеров и дифференциации трудовых доходов, пенсий и пр. Рассчитываемый от конкретных среднечеловеческих доходов групп он позволяет обобщать затем эти конкретные значения “снизу вверх” до макроуровня. Такой прогноз дает возможность выявлять конкретные тенденции изменения характеристик благосостояния населения, что напрямую связано с вариантами проводимой (при инерционном прогнозировании, сохраняющем выявленные на базовом периоде закономерности развития и соотношения показателей) или желаемой социальной политики — доходов, налоговой и пр.

Предложенный подход был реализован в ходе разработки в ЦЭМИ РАН поэтапно контролируемой комплексной многоуровневой информационно-аналитической системы НДП (Тарасова, 2006а, 2006в; Тарасова, Васильева, Тарасова, 2006; Тарасова Н.А., Тарасова М.С., 2006; Фаерман, Тарасова, Васильева, 2006; Тарасова, Хачатрян и др., 2007; Тарасова, Хачатрян, Тарасова, 2006; Tarasova, Nachatryan et al., 2007) в рамках начатых под руководством д.э.н. Е.Ю. Фаермана исследований финансирования социальной сферы для анализа проблем социальной политики (Фаерман, Тарасова, 2006; Фаерман, Хачатрян, Тарасова и др., 2004). Рассмотрим кратко ее результаты. В системе были постепенно выделены (с выявлением официальных и скрываемых эле-

ментов занятости, доходов и потребления)² все функциональные слои и 14 социальных групп с последующим распределением их по децилям. Полученные оценки для базового периода 1995–2002 гг. показали, что объем N_i теневой занятости был в 6–7 раз ниже официальной и составлял 9–11 млн. чел., что согласуется с общей оценкой — 10 млн. чел. — Управления статистики труда Госкомстата. При этом численность нелегальных трудящихся почти постоянно убывала (от 8 до 3 млн. чел.), а таких же предпринимателей — постоянно росла (от 1.4 до 6 млн., т.е. до 70% N_i), хотя замедляющимися темпами. Это повысило долю последних в N_i почти в 5 раз, а в общем объеме предпринимателей — более чем в 1.5 раз. Вторичная теневая занятость не входила в рамки исследования ввиду отсутствия необходимых исходных данных. К концу базового периода численности любых официальных занятых, как и теневых предпринимателей, сместились в сторону меньших децилей, в то время как в целом у теневых занятых такого единообразия не наблюдается, поскольку у таких категорий трудящихся — обратная динамика. Влияет, очевидно, значительность разнонаправленных изменений численностей теневых групп (рост — у предпринимателей, снижение — у трудящихся) при ограниченной конкретными экономическими условиями возможности изменения и перераспределения общего объема функциональных теневых доходов.

Дальнейший инерционный прогноз (2003–2007 гг.) выявил замедление темпов “теневизации” предпринимателей и “детеневизации” трудящихся. Доля наемных работников в теневой занятости может снизиться до 9% (при более 30% на базе). Прогноз подецильных распределений численностей зарегистрированных занятых показал рост численности предпринимателей в старших децилях по сравнению с трудящимися, где доля их “чистой” (без совместителей) группы снижается более чем вдвое — при росте аналогичного показателя у предпринимателей в 14 раз.

В том же исследовании были получены оценки доходов для базового (а затем и прогнозного) периода. Выяснилось, что базовый рост теневых доходов трудящихся сопровождался снижением скрытых; одновременно наблюдался переход теневых доходов предпринимателей в скрытые (т.е. рост сокрытия доходов при легальной занятости). Кризис 1998 г. снизил все скрываемые доходы, но теневые снизил при этом меньше (10%), чем скрытые (20%). Так что наименее устойчивыми к финансовым потрясениям оказались легальные доходы — официальные, а наиболее устойчивыми — нелегальные. Соотношение душевых трудовых и предпринимательских доходов в целом по стране сложилось в пользу не первых, а последних. При более детальной классификации, с распределением по экономическим группам, соотношения крайних децилей показали, что максимальная дифференциация имеет место для предпринимательских доходов, а минимальная — скрываемых трудовых.

По оценкам, учитывающим и скрываемые доходы, объем V_{Π} (т.е. присвоенная часть валовой прибыли) достаточно велик и составлял 17% в 2000–2002 гг.; лишь в 2007 г., убывая, он снизится

² При использовании упомянутых в начале текста различий в оценках разных управлений Росстата.

до 12%. Итоги прогнозирования доходов выявили соответствие “макроизменений” — роста трудовых доходов (V_T) и снижения предпринимательских (V_P) — приоритетным для социальной политики структурным оценкам по душевым показателям, что приближает общую функциональную структуру доходов населения ($V_T : V_P : V_S$) к характеристикам развитых социально ориентированных экономик. Автономный прогноз дал повышенные оценки трудовых доходов и пониженные — предпринимательских.

Оценки показывают, что в прогнозном периоде по сравнению с базовым на 15% вырастет доля скрытых доходов во всех скрываемых, в том числе отношение V_{TCC} к V_{TC} увеличится на 10%, к V_{Ti} — более чем в 2.5 раза. Это, видимо, отражает успешность активной политики “детенизации” T_i (путем весомых штрафов для их работодателей) и безуспешность неактивной борьбы с коррупцией. Для душевых трудовых доходов (кроме официальных) характерен последовательный рост, все же явно недостаточный для изменения ситуации, связанной с удельной производительностью труда. Обратная прогнозная динамика теневых доходов трудящихся и предпринимателей связана с убыванием числа первых и ростом вторых. Существенно изменится распределение официальных доходов у предпринимателей: отражающая стремление к концентрации капитала инерция роста его дифференциации даст в 2007 г. сверхвысокую долю 10-го дециля — 95%. Таким образом, анализ базовой динамики показателей и прогнозные расчеты, наглядно проиллюстрировав положительную тенденцию снижения теневой занятости трудящихся, в то же время показали растущую дифференциацию населения сверх всех допустимых пределов (с концентрацией предпринимателей в “богатых” децилях при заниженной оплате труда основной массы населения). Это явно негативное положение, наряду со столь же недопустимыми масштабами коррупции, возросшей в условиях практического исчезновения инструментов контроля, является серьезным тормозом на пути преодоления кризисных явлений в экономике.

После публикации Росстатом в конце 2006 г. уточненных данных госстатистики (с пересчетом соответственно итогам переписи-2002) статистическая база была расширена по 2005 г., а прогнозный период — по 2010 г. При сопоставлении с ранее полученными прогнозными оценками сравнительный рост числа наемных работников T и “трансфертников” S (видимо, за счет вновь учтенных мигрантов и их семей) сопровождается снижением доли их доходов V_T/V и V_S/V (к 2007 г. — на 1/5 и 1/3 соответственно), а убывание предпринимателей P — наоборот, ростом доли V_P/V (в 2007 г. — в 2.4 раза). В результате при инерционном развитии экономики к 2007 г. V_P могут составить 31.5% доходов населения, а к 2010 г. — уже более 33% (в 2002 г. их было 27%) при снижении: доли V_T до 56.3% (в 2002 г. — более 58%), доли социальных трансфертов, столь важных в российских условиях, — до мизерных 10.7% (в 2002 г. — почти 15%). Таким образом, в социальном плане вместо отмеченного ранее осторожно оптимистического прогноза возможен весьма пессимистический — с явным усилением “олигархизации” уменьшающегося числа предпринимателей и обеднением растущего числа трудящихся. К этому добавляется неутешительный прогноз почти не убывающих объемов всех скрываемых доходов.

На микроуровне динамика показателей наглядно отразила усиление процесса “атомизации” сложных семей (даже из 2 чел.) до уровня нуклеарных. Это должно учитываться в соответствующих пропорциях при строительстве жилья, предоставляемого на условиях социального найма (что упорно не желают признавать власти, судя по правилам предоставления жилья переселяемым семьям — обычно без права разъезда), как и соответствующая тенденция роста спроса не очень богатых семей на небольшие квартиры из-за высокой стоимости коммерческого жилья.

Инструментарий прогнозирования в системе НДП предоставляет кроме приоритетной оценки последствий той или иной социальной политики в целом (Тарасова, Хачатрян и др., 2007; Фаерман, Хачатрян, Тарасова и др., 2004; Tarasova, Nachatryan et al., 2007) еще одну важную практическую возможность: наглядно выявлять реализуемость или (что, возможно, еще важнее в плане последствий) нереализуемость в комплексе одновременно намечаемых ведомствами отдельных изменений тех или иных среднелюшевых или групповых показателей, а также выявлять их допустимые пределы. Оказалось, например, что при инерционности предполагаемого развития экономики и сохранении общей структуры доходов реализация предлагавшегося ранее сотрудниками Минтруда и соцобеспечения повышения уровня пенсий с 2000 г. (почти на четверть) и особенно с 2001 г. (более чем на 40%) с одновременным ростом детских пособий и стипендий в 2002 г. примерно в два и полтора раза соответственно была невозможна, так как в этом случае остаточные прочие социальные трансферты (дотации, льготы и пр.) стали бы нелогично малыми с 2001 г. и, более того, отрицательными с 2002 г. Был рассчитан вариант допустимых границ одновременного роста рассмотренных душевых (и соответственно общегрупповых) социальных трансфертов (Тарасова Н.А., Тарасова М.С., 2006). Такие расчеты могут помочь выявить и предотвратить

крайне болезненные (как показала практика) последствия “министерских” просчетов в осуществлении социальных реформ.

Изложенный выше и проиллюстрированный на примере системы НДП социально-экономический аспект выделения и анализа объектов на различных уровнях экономики дополним более детальным рассмотрением (прежде всего, с точки зрения временного аспекта соответствия целям развития экономики) структуры фиксированной, т.е. официальной занятости населения A_0 , поскольку иная, теневая занятость A_t (иногда используемая как практически необходимая “поправка” при несовершенстве законодательства, отставании его от нужд практики) была рассмотрена выше.

В составе официальной можно выделить два вида занятости. Основная — это давно известная (под разными названиями) естественная занятость, которая наряду с теневой решает насущные основные задачи нынешнего функционирования экономики и текущей перестройки ее структуры. Таким образом, в структуре занятости лиц, официально входящих в состав того или иного предприятия (организации), выделяются, в первую очередь, кадры, нужные для выполнения текущей работы, которые и определяют естественную занятость. Оставшиеся сотрудники определяют второй вид официальной занятости — так называемую вынужденную, или вынужденно сохраняемую, занятость, проявившуюся с 1990-х годов как феномен переходного периода. Объем ее постепенно снижается по мере роста экономики, но пока отнюдь не исчезает. Наличие этой части постоянной занятости трудящихся обусловлено в основном задачами не настоящего, а будущего функционирования экономики страны в качестве самостоятельного экономического субъекта после экономической стабилизации и подъема экономики.

После 1991 г. низкий уровень производительности труда (ПТ) в России часто (и формально верно) объясняли официально зарегистрированной “излишней занятостью”, часто называемой также скрытой безработицей. Распространенный взгляд на это явление как на простое “излишество” не соответствует реалиям перехода к рыночной экономике. Корректнее говорить о неизбежности появления с началом переходного периода вынужденно сохраняемой занятости трудящихся как качественно нового явления в среде официального найма, ставшего достаточно заметным к 1992–1993 гг. “Вынуждаемым” объектом является здесь работодатель (в первую очередь — государство), сохраняющий этот вид занятости для предотвращения негативных экономических и социальных явлений. Подобный подход, предложенный нами впервые в 1993 г. в ЦЭМИ РАН (Тарасова, 1994) почти одновременно с академиком Д.С. Львовым и представленный на международной конференции в Нидерландах по проблемам безработицы (Lvov, Tarasova, 1994), рассмотрен подробнее в (Тарасова, 2006в, Тарасова, Блюмина, 1996; Тарасова, Збарская, Блюмина, 1996). Это качественно новое образование лишь формально похоже на специфически “советскую” скрытую безработицу доперестроечного периода, являвшуюся следствием фетишизации 100%-ной занятости.

Таким образом, выделяется логически законченная, адекватно отвечающая реалиям развития российской экономики и потому интересная для исследования основная “триада занятости” — занятость естественная (ЕЗ), вынужденная (ВЗ) и теневая (A_t), — определяющая все множество занятых A . При этом официально зарегистрированные трудящиеся могут входить в состав ВЗ по какой-либо из ряда причин:

1) как резерв для будущего расширения масштабов деятельности — более успешной, более активной и т.д. (*резервная занятость*); пример: сохранение квалифицированных научных кадров при сокращении финансирования научных институтов и использование их разработок;

2) как кадры, оставшиеся с прежних времен “по инерции” по социально-политическим, в том числе патерналистским соображениям, подобно шахтерам с неработающих шахт, излишних при структурной перестройке экономики (*инерционная занятость*);

3) по социальным или социально-экономическим причинам неинерционного характера (*социальная занятость*), в том числе:

— лица, числящиеся в составе занятых только ради сохранения (приобретения) ими определенного социального статуса с целью, например, получения ряда социальных льгот для них и/или их семей (*статусная занятость*);

— оставшиеся лица, вошедшие в состав ВЗ по определяемым той или иной конкретной ситуацией причинам социально-политического или даже личного характера (*ситуационная занятость*).

Резервная занятость (РЗ) представляет собой основной резерв занятости естественной, в него включаются квалифицированные кадры типа “сил быстрого реагирования” и те, кто технически

обеспечивает их работу. Использовать безработных в качестве такого резерва нереально, поскольку не созданы и вряд ли будут созданы условия для сохранения, достижения или быстрого восстановления ими необходимого уровня квалификации. Объем и качественный состав РЗ зависят от потребностей структурной перестройки экономики в настоящем и прогнозируемых направлений ее будущего развития, когда потребность в квалифицированных кадрах возрастает. Все это делает неправомерным и содержательно некорректным отнесение РЗ к скрытой безработице, чего нельзя сказать об инерционной занятости (ИЗ) — сохраняемом с прежних времен контингенте официальных наемных работников, который не нужен в качестве резерва при наличии безработных, но и не высвобождается, в основном, по социально-политическим причинам. Третий вид ВЗ, называемый социальной занятостью, включает статусную занятость, сохраняемую ради официального статуса принадлежащих к данной группе лиц, заинтересованных именно в нем (оплата их может служить для неофициального повышения легального заработка других лиц, фактически выполнявших работу, или получения этого заработка теневыми трудящимися), а также оставшуюся ситуационную занятость. При таком подходе естественно считать, что в состав истинной скрытой безработицы (СБ) входит не целиком вынужденная занятость, а только инерционная и, видимо, ситуационная. Подчеркнем, что теоретически некорректное прежнее понимание под СБ всего объема ВЗ, включая РЗ, имеет далеко идущие негативные практические последствия, включая социально-психологические. На сохранение СБ повлияли и особенности нашей налоговой системы (которые способствовали сохранению излишков низкооплачиваемой рабочей силы для уравнивания повышенной оплаты ограниченного административного контингента), и высокие расходы на социальные мероприятия при ожидавшемся массовом высвобождении работников, и неизбежная при этом нагрузка на бюджет из-за роста требуемого объема пособий по безработице, и дороговизна создания новых рабочих мест, и т.д.

Необходимость серьезного внимания к изучению специфики ВЗ и ее составных частей как феномена длительного периода становления и укрепления рыночной экономики стала очевидной еще в 1993—1994 гг., а позднее впечатляюще проявились практические последствия невнимания к этим проблемам. Так, инерционная занятость не раз заявляла о себе “сидячими” забастовками шахтеров, дошедших до Москвы. Намного более терпеливая, хотя и хуже оплачиваемая резервная занятость в сфере науки (где доля РЗ достаточно весома) также, в конце концов, стала громко заявлять о себе — например, когда в 1998 г. ученые из подмосковного академического Троицка перекрыли движение по Симферопольскому шоссе. С августа 1998 г. бурные экономические, социальные и политические события в России отодвинули в сторону многие проблемы сферы труда, и ранее не балуемые вниманием научных кругов и властных структур. Но проблемы продолжали существовать, упорно не желая автоматически решаться в процессе создания российского варианта рыночной экономики.

ВЗ влияет на величину производительности труда $ПТ = ВВП/A_0$ двояко, так как увеличивает и числитель (через величину оплаты труда при ВЗ), и знаменатель; при низкой оплате ВЗ в целом это приводит к снижению ПТ. Но даже при отрицательном влиянии ВЗ на показатели производительности труда сохранение такой занятости является залогом столь необходимой социально-политической стабильности (без чего говорить о дальнейшем подъеме экономики бессмысленно) и столь же необходимого сохранения квалификационного уровня рабочей силы страны для повышения ПТ в дальнейшем. Мнение тех, кто считает, что значительная часть населения при создании условий роста реальных доходов и занятости способна быстро включиться в производственную деятельность и поднять производительность труда, в настоящий период представляется истинным только по отношению к РЗ, но никак не к массе безработных. Да и молодежь из размножившихся негосударственных учебных заведений далеко не всегда обладает достаточным запасом знаний и умений. Даже расценивая ВЗ (и РЗ) просто как избыточную, излишнюю занятость, лишь временно выгодную для менеджмента (из-за схем приватизации) или привычно патерналистски им сохраняемую, нельзя не признать, что в наших условиях это — основной способ сохранения человеческого капитала. За время затянувшегося переходного периода, как и после него, важно если не приумножить (для чего необходимо поднять заметно снизившийся в целом уровень профессионального образования), то хотя бы не растерять еще имеющийся в стране научно-технический и кадровый потенциал новой экономики, к которой Россия в конце концов должна перейти.

Важной задачей, связанной с проблемой роста безработицы, является оценка объема высвобождения работников, который определяется не произвольными решениями администрации (например, ради повышения оплаты труда оставшихся), а действительными потребностями экономики. Значимость его определяется глобальным процессом осознания главенствующей роли

квалифицированных кадров для современной экономики, причем “сырьем” новой экономики должны становиться информация, образование, знания. В России же специалисты оказываются наиболее уязвимыми к негативным воздействиям перехода к рынку. Они не только определяют основную величину резервной занятости, но в отдельных регионах составляют до 45% безработных.

Все виды ВЗ и сама триада занятости естественно образуются при рассмотрении занятости в двух семиотических аспектах: формы (синтактики), определяемой легальным оформлением, регистрацией такой фиксируемой занятости в соответствии с законодательством, и содержания (семантики), определяемого наличием ³ реального соответствующего труда занятых (Тарасова, 2006в). Подобный семиотический подход к понятию занятости может включать в качестве третьей семиотической характеристики (прагматики) сочетание двух аспектов (временного и инвестиционного) практической значимости выделенных видов в реалиях конкретного экономического уклада. При этом по первым двум семиотическим характеристикам можно рассматривать величины ВЗ и А, в качестве определенных антонимов, в то же время дополняющих друг друга “во искупление грехов” организаторов экономики и для снижения социальных и прочих рисков. Все виды занятости рассматриваются как непересекающиеся множества; реально существующие их пересечения исключены хотя бы из-за отсутствия необходимых данных.

Что касается прагматических аспектов, то различные этапы реформ особенно обострили финансовые проблемы, в том числе главную из них — проблему инвестирования. При определении очередности и объема капиталовложений (КВ) одним из важнейших факторов должен быть человеческий, ныне явно недоучитываемый. Учет структуры занятости, объемов ВЗ и ее разновидностей может помочь при решении актуальнейшей задачи — определения приоритетности инвестиций в производство. Создавшиеся условия, по мнению многих исследователей, определили приоритет концепции устойчивого развития с преобладанием “модернизирующих” инвестиций для выхода на требуемые экономические рубежи. Это означает, что в первую очередь необходимо направлять КВ не на новое строительство, а на модернизацию, реорганизацию и техническое перевооружение уже имеющегося производства (с возможным расширением его) до современного уровня. При этом соответствующая первоочередным, “модернизирующим” КВ потребность в квалифицированном контингенте может и должна удовлетворяться в основном за счет РЗ, а в неквалифицированном секторе — в основном за счет ИЗ. Если остается объем инвестиций, который может быть направлен на строительство новых предприятий в регионе, то здесь важнейшими человеческими факторами, помимо общего уровня безработицы, являются объемы ее квалифицированной и неквалифицированной частей, а также объем истинной скрытой безработицы СБ (или хотя бы ИЗ как основной ее части) на предприятиях и в организациях региона. Идея зависимости выделения инвестиций на новое строительство от структуры и объема безработицы достаточно очевидна и распространена в отличие от идеи зависимости “модернизирующих” КВ от структуры ВЗ. Для конкретизации этой второй идеи следует получить хотя бы экспертные оценки элементов ВЗ, но уже сейчас можно сказать, что весомая доля ВЗ приходится на науку, здравоохранение, другие “бюджетные” отрасли и сферу услуг, которая по уровню КВ существенно отстает от развитых стран типа Канады.

Объемы видов ВЗ и таких объектов мезоэкономики, как ЕЗ и $VZ = A_0 - EZ$ в целом, могут быть определены лишь на основе данных микроуровня по предприятиям (организациям). Когда численность социального слоя всех наемных работников упала на 18%, то это падение естественно было связать прежде всего с сокращением ВЗ, и в первую очередь с ее инерционной составляющей. При всех отрицательных моментах такого процесса его оценку в целом можно считать положительной — как необходимую структурную перестройку занятости. Неоднозначность же оценки вызвана, помимо организационных и прочих недостатков практического осуществления, сложностью самого явления вынужденной занятости. Она проявляется нередко (но далеко не всегда) в форме неполной занятости. Особенно это было заметно ранее, в период вынужденного сокращения рабочего времени в форме массовых отпусков без сохранения содержания (полностью или частично), либо укороченного рабочего дня, когда и то, и другое делалось по инициативе администрации (заметим, что подобные отпуска, хотя и с иной целью, часто применяются и за рубежом, например летом 2006 г. в одном из штатов США — из-за пустующих казино и т.п. предприятий). Но применялись эти меры (особенно второй вариант) часто не только к вы-

³ Плодотворность семиотического подхода (при кажущейся простоте его) проявилась и при разработке методики многоэтапного контролируемого формирования статистической базы исследования при создании системы НДП (Тарасова Н., Васильева, Тарасова М., 2006).

нужденно занятым, но и к другим категориям занятых на предприятиях, чтобы обеспечить всем некоторый минимум средств. Поэтому определение объема ВЗ при неполной (а тем более при полной) занятости по данным статистики — отнюдь не легкая задача. Обследование ВЗ (с применением разработанного в ЦЭМИ РАН инструментария), намеченное Минтрудом, не было проведено из-за сокращения необходимых средств Минфином (Тарасова, 2004). Росстат начал оценивать если не всю ВЗ и не неполную ВЗ, то вынужденно неполную занятость, так как вынужденный отпуск или неполный рабочий день легко учесть.

В области оплаты труда желательно анализировать ее с выделением не только официальной и скрываемой оплаты, но и входящей в официальные трудовые доходы (V_{T0}) величины оплаты вынужденной занятости $I(VZ)$, которая теоретически должна была бы характеризоваться низким уровнем. Целесообразно оценивать ее как обусловленную не столько общими экономическими закономерностями функционирования рынка труда, сколько реалиями затянувшегося переходного этапа. Так, низкий уровень $I(VZ)$ явно “провоцировался” налогом на сверхнормативную заработную плату (ЗП) при превышении фактических расходов на оплату труда над нормируемой величиной. Низкая оплата уравнивала сверхнормативную, что фактически обеспечивало определенные финансовые льготы предприятиям. В то же время и при такой низкой ЗП большому объему ВЗ соответствует большой фонд заработной платы, что позволяет предприятиям в условиях инфляции повышать цену продукции, 10–15% себестоимости которой составляет оплата труда. Практикуемые задержки выплат заработка, многократные и длительные, снижают уровень жизни работающих, но не цену продукции. Судя по данным о среднемесячной отраслевой заработной плате, в сферу действия весьма низкой вынужденно сохраняемой ЗП в первую очередь попадают культура, образование и здравоохранение, а также в значительной степени наука. Хотя их разрушение губительно для страны, они относятся к пасынкам экономики.

Оплата труда всех разновидностей ВЗ, как правило, официальная и входит в состав официальных трудовых доходов V_{T0} . При оплате ситуационной занятости, зависящей, естественно, лишь от конкретной ситуации, не исключена скрытая ЗП, и причем немалая. Статусная же занятость, зависящая от социальной политики оплаты труда, как правило, предполагает получение лишь официальной ЗП, и то другими лицами, а именно теми, которые реально выполняют соответствующие обязанности (фактическая доплата для тех, кто реально работает, — неважно, официально или нет). Это равноценно повышению их зарплаты и в масштабах страны не искажает статистику, не изменяя V_{T0} и не уменьшая объемы ни единого социального налога, ни НДФЛ (но оставаясь неучтенной при расчете пенсий реально работавших лиц).

Видимо, оплата резервной и инерционной занятости также только официальная и входит в V_{T0} . Теоретически логичное (из общих соображений) предположение, что оплата труда при ВЗ находится ниже среднего уровня (Тарасова, 1994; Lvov, Tarasova, 1994), потребовало коррекции, поскольку при ИЗ нередко имеется традиционно сложившийся высокий уровень оплаты труда в виде номинальной начисленной ЗП (но при этом ее выплата может задерживаться надолго, как, например, не раз бывало у шахтеров), который практически снизить не удастся по социально-политическим соображениям, определяющим само наличие ИЗ в угольной промышленности и других отраслях. С РЗ ситуация иная — не случайно такие мезоэкономические объекты, как наука и другие российские отрасли с высокой долей РЗ, входят в низкооплачиваемую группу отраслей. Причем в данной группе, как было представлено ранее в ЦЭМИ РАН при анализе высокой межотраслевой дифференциации ПТ и ЗП (Тарасова, 2004; Тарасова, Збарская, Блюмина, 1996), некоторые “нищие” отрасли показывают отнюдь не низкую производительность труда — например, наука (с резким падением ЗП) или легкая промышленность, являющаяся высокопроизводительной отраслью.

Такая ситуация — обратная, скажем, положению в российском аппарате органов управления (в отличие, например, от канадского) и в кредитно-финансовой системе России (особенно с учетом скрытой оплаты труда, со сверхнизким — низким даже для Канады — отношением ПТ/ЗП), где максимальный уровень внутриотраслевой дифференциации и где в 2004 г. более трети работников имели ЗП > 26 ПМ, — лишний раз подчеркивает ограниченность практического внедрения в российскую сферу труда принципов организации современного рыночного хозяйства. О том же свидетельствует и несоразмерно низкий общий уровень оплаты труда, существенно снижающий оценку его производительности и являющийся, очевидно, основным тормозом на пути реформ.

Общие утверждения о нашем все усиливающемся отставании от уровня развитых стран по ПТ целесообразно заменить достаточно обоснованными сравнительными оценками, содержательно значимыми и корректно полученными. Для сравнения возьмем Канаду, сопоставимую с Россией

по ряду климатических и других природных условий и по некоторым общим социально-экономическим и социально-политическим проблемам. К тому же именно в сфере труда, при становлении российского рынка труда, богатый канадский опыт оказался полезным для России не только теоретически, но и практически. Так, в 1997–1998 гг. канадскими специалистами был проведен ряд обучающих семинаров в России для работников служб занятости (по выявлению теневой занятости лиц, регистрирующихся в качестве незанятых, и другим темам). Для корректности сравнения необходимо обеспечить сопоставимость как методов оценивания показателей, так и единиц их измерения. В качестве последних удобно использовать паритетные доллары США (USD-ППС), курс которых существенно отличается от валютного курса доллара в России (в 1.7 раз в 1995 г.) — именно в этих единицах приводятся шокирующие показатели нашего отставания по ПТ в отчетах МОТ. “Паритетные” же оценки отражают не только более реальную в мировом масштабе оценку показателей, но и, на наш взгляд, их динамику с учетом меняющейся покупательной способности рубля, так сказать, с точки зрения мирового сообщества. Проведенные в ЦЭМИ РАН расчеты ПТ (Тарасова, 2004) выявили отставание российской ПТ от канадской в 3.7 раза (27%), в то время как общеизвестная малость по мировым стандартам средней по России номинальной начисленной ЗП в данном случае выразилась почти в девятикратном (8.6 раз, или 11.6%) отставании от среднего уровня канадской ЗП “брутто”. Отсюда по весьма важному показателю — удельной производительности труда на единицу его оплаты (ПТ/ЗП) — картина принципиально иная: Россия опережает Канаду в 2.3 раза. Такой вывод, сделанный впервые в 1996 г., был вскоре подтвержден Д.С. Львовым и В.Г. Гребенниковым на примере ряда развитых стран. В Канаде уровень этого показателя неуклонно, хотя и незначительно, снижался — на 6.7% с 1988 по 1993 г. В России же он чрезвычайно высокий, и желательного для нормального развития страны снижения не происходило — он ежегодно (кроме 1996 г.) рос и с 1990 по 1997 г. вырос на 54%. Учет скрываемых доходов ситуацию существенно не меняет; включение работников-мигрантов в состав постоянного населения, проведенное во время переписи 2002 г., способствует снижению средних оценок ЗП. Повышение ПТ без опережающего (для исправления ситуации) роста ЗП означает простое усиление эксплуатации труда.

Очевидно, что без достойной оплаты труда (российская на часовом уровне не менее чем в 11–14 раз ниже развитых стран) оценка ПТ в России не может повыситься — это утверждают и практики, и ученые-экономисты. В составе ВВП, кроме оплаты труда, основную долю составляет валовая прибыль экономики, на которую отрицательно влияет не только спад производства, но и среди других факторов — падение спроса населения. Последнее напрямую зависит от низкого уровня оплаты труда в целом (что препятствует стабильному росту производства, не будучи стимулом для работника и чаще всего снижая престижность высококвалифицированного труда), особенно у занятых в бюджетной сфере, по чьей “вине”, например, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата с 1990 по 1994 г. выросла почти вдвое меньше (в 727 раз), чем прожиточный минимум (в 1419 раз).

Низкая официальная оплата труда, определяющая объем единого социального налога, отрицательно влияет и на доходы “трансфертников”, обостряя проблему пенсионной реформы и одновременно усиливая сомнения в ее осуществлении. “Трансфертники”, особенно незанятые, определяют немалую долю недопустимо высокого уровня бедности в стране. Весомость “вклада” в него трудящихся вообще неприемлема для социального (по Конституции) государства. Но вряд ли приемлемо и “министерское” повышение ЗП без дополнительного финансирования — просто за счет механического сокращения трудящихся. Справедливости ради отметим, что в сфере занятости и труда тактика властей бывает и успешной — так, решение о весомых штрафах на предпринимателей, использующих теневых трудящихся T , уже ведет к снижению числа последних и соответственно росту официальных трудовых доходов V_{T0} .

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Тарасова Н.А. (1994): О вынужденной занятости и безработице // *Экономика и мат. методы*. Т. 30. Вып. 2.
- Тарасова Н.А. (1996): Проблемы реформирования постсоциалистических экономик // *Вопросы экономики*. № 2.
- Тарасова Н.А. (2004): Производительность и оплата труда в России и Канаде // *Экономика и мат. методы*. Т. 40. № 2.
- Тарасова Н.А. (2006а): Моделирование показателей потребления, доходов и состава населения в процессе его многоуровневой комплексной структуризации и виды занятости. В сб.: “Потребление и доходы населения в условиях реформирования социальной сферы”. М.: ЦЭМИ РАН.

- Тарасова Н.А.** (2006б): О методах оценки скрываемых доходов и теневой занятости // *Экономика и мат. методы*. Т. 42. № 1.
- Тарасова Н.А.** (2006в): Моделирование и прогнозирование скрываемых элементов занятости и доходов // *Экономика и мат. методы*. Т. 42. № 3.
- Тарасова Н.А., Блюмина М.С.** (1996): Структура вынужденной занятости и ее влияние на процессы переходного периода // *Экономика и мат. методы*. Т. 32. Вып. 2.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А., Тарасова М.С.** (2006): Семиотический подход к поэтапному формированию корректируемой статистической базы исследования и базовая динамика макропоказателей. В сб. "Потребление и доходы населения в условиях реформирования социальной сферы". М.: ЦЭМИ РАН.
- Тарасова Н.А., Збарская И.А., Блюмина М.С.** (1996): Изменения в производительности труда и структуре занятости в переходный период. В сб. "Анализ и моделирование взаимодействия производственной и социальной сфер экономики России в условиях перехода к рынку". М.: ЦЭМИ РАН.
- Тарасова Н.А., Тарасова М.С.** (2006): Скрываемые и официальные элементы состава и доходов населения, их структурный прогноз и проблемы оплаты труда. В сб. "Потребление и доходы населения в условиях реформирования социальной сферы". М.: ЦЭМИ РАН.
- Тарасова Н.А., Хачатрян С.Р.** и др. (2007): Анализ вариантов социальной политики на основе моделирования и прогнозирования потребления населения, его состава и доходов // *Проблемы прогнозирования*. № 1.
- Тарасова Н.А., Хачатрян С.Р., Тарасова М.С.** (2006): Динамика и прогноз скрываемых доходов и теневой занятости // *Экономическая наука современной России*. № 4.
- Фаерман Е.Ю., Хачатрян С.Р., Тарасова Н.А.** и др. (2004): Моделирование социально-экономической структуры населения РФ, его доходов и варианты социальной политики. В кн.: "Россия в глобализирующемся мире. Политико-экономические очерки" / Под ред. Д.С. Львова. М.: Наука.
- Фаерман Е.Ю., Тарасова Н.А.** (2006): Общие задачи исследования и анализ финансирования социальной сферы как основы моделирования доходов и потребления населения. В сб. "Потребление и доходы населения в условиях реформирования социальной сферы". М.: ЦЭМИ РАН.
- Фаерман Е.Ю., Тарасова Н.А., Васильева И.А.** (2006): Прогнозирование макропоказателей и анализ политики доходов с их легализацией. В сб. "Потребление и доходы населения в условиях реформирования социальной сферы". М.: ЦЭМИ РАН.
- Федоренко Н.П.** (2002): Россия: уроки прошлого и лики будущего. М.: Наука.
- Lvov D., Tarasova N.** (1994): Latent Unemployment in Transition: Phenomenon of Involuntary Employment in Russia. In: "C.U.R.E. Challenges of Unemployment in a Regional Europe". Fryske Akademy, the Netherlands.
- Tarasova N., Hachatrjan S., Vasiljeva I., Tarasova M.** (2007): Analyzing Social Policy Alternatives through Modeling and Forecasting of the Consumption, Composition, and Incomes of the Population // *Stud. on Russian Econ. Development*. № 1.